

УДК 070.4

DOI: 10.17223/19986645/54/14

Е.В. Перевалова

**БЛЕСК И НИЩЕТА «РУССКОГО ШЕФФИЛДА»:
«РАБОЧИЙ ВОПРОС» В ЦИКЛЕ ОЧЕРКОВ «СЕЛО ПАВЛОВО»
(«МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ», 1872 г.)**

Исследуется цикл очерков «Село Павлово», напечатанный в 1872 г. в газете «Московские ведомости», издававшейся консервативным публицистом М.Н. Катковым. Выдвинуто и обосновано предположение, что автором данной публикации являлся писатель и публицист П.И. Мельников. Выявлено, что в очерках, которые стали одним из первых выступлений газеты по «рабочему вопросу», предлагались новые формы объединения работников для совместного производства в условиях зарождения в России капиталистических отношений. Сделан вывод, что основные положения очерков совпадали с программными заявлениями «Московских ведомостей» и отражали позицию газеты и ее издателя по «рабочему вопросу».

Ключевые слова: село Павлово, кустарное производство, ссудное и комиссионное товарищества, П.И. Мельников, «Московские ведомости», М.Н. Катков, «рабочий вопрос».

В 1870–1890-е гг. на фоне интенсивного развития капиталистических отношений, быстрого роста фабричного производства и значительных изменений в социальном составе населения России на страницах отечественной периодической печати одной из наиболее актуальных и активно дискутируемых тем стал «рабочий вопрос». Данным понятием в указанный период обозначался весьма многообразный и сложный комплекс проблем, связанных с формированием рынка свободного труда и положением низших рабочих сословий: появление пролетариата как нового социального слоя, условия его труда и быта, уровень жизни, правовое и политическое положение, различные формы объединения работников для совместного производства (артели, товарищества и т.п.), государственная политика в области регулирования отношений между предпринимателями и наемными работниками и т.д.

Большое торгово-промышленное село Павлово Горбатовского уезда Нижегородской губернии – «русский Шеффилд»¹, как нередко называли его в прессе, население которого издавна занималось артельными кустарными промыслами – изготовлением металлических изделий, в указанный период привлекало пристальное внимание российских ученых, общественных деятелей и публицистов – сторонников разных политических взглядов и экономических теорий. Динамичные социально-политические и экономиче-

¹ Шеффилд – город в Англии, известный своим сталелитейным производством.

ские процессы в Павлове: сначала длительная тяжба павловцев с владельцем села графом Д.Н. Шереметевым и его наследниками, затем ожесточенное противостояние павловских торговых и промышленных кругов и их главных представителей – Н.П. Сорокина и Ф.М. Варыпаева – служили предметом оживленной полемики на протяжении нескольких десятилетий [1, 2]. В 1870-х и начале 1880-х гг. павловское противостояние, по образному выражению В.Г. Короленко, «отдавалось по всей России», а «газеты были полны описаниями павловской “классовой борьбы”, и павловские “вопросы” разделяли газетные лагеря» [3. № 10. С. 107]. В 1870–1890-е гг. о Павлове неоднократно писали Н.Ф. Анненский, А. Штанге, А. Савельев, П.Д. Боборыкин и другие авторы [4–11], наиболее известными стали «Павловские очерки» В.Г. Короленко, опубликованные в 1890 г. в авторитетном либерально-народническом журнале «Русская мысль» [3].

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать одну из неизученных публикаций о павловских кустарях, укладе их жизни и условиях труда – цикл очерков «Село Павлово», который стал одним из первых обстоятельных выступлений по «рабочему вопросу» газеты «Московские ведомости» – самого влиятельного консервативного издания 1860–1880-х гг. Их редактор-издатель – авторитетный публицист М.Н. Катков – являлся одним из главных идеологов консервативного лагеря и убежденно отстаивал умеренные социально-экономические преобразования на основе законодательных инициатив, источник которых он видел исключительно в самодержавной монархии – единственно приемлемой, с его точки зрения, формы правления в России. Цель статьи – проанализировать цикл очерков «Село Павлово», определить имя автора, выявить, насколько соотносились основные идеи очерков и предлагаемые в них меры улучшения экономического положения и условий труда павловских кустарных рабочих с программными заявлениями «Московских ведомостей» по «рабочему вопросу». Актуальность заявленной проблемы обусловлена усиливающимся в современной науке интересом к изучению консервативной прессы XIX в., а также необходимостью атрибуции публицистических выступлений «Московских ведомостей», значительная часть которых печаталась анонимно или подписывалась криптонимами, не предполагающими возможности отождествить их с тем или иным конкретным автором. Научная новизна исследования состоит во введении в научный оборот нового, ранее не изученного материала, в частности хранящегося в архивах НИОР РГБ и ранее не публиковавшегося письма П.И. Мельникова, обоснование авторства писателя в «Московских ведомостях».

Поводом для публикации очерков в «Московских ведомостях» послужил страшный, опустошительный пожар, случившийся в этом селе в ночь на 12 июня 1872 г. Пламя, бушевавшее в течение шести часов, уничтожило почти половину Павлова: из полутора тысяч домов сгорело 515 (из них 50 каменных), из 800 сталелесарных мастерских – 550, а также 115 каменных и деревянных торговых помещений на базарной площади, все склады железа, меди, стали и хлеба, три мыловаренных и один шорный завод [12].

К счастью, удалось перекрыть путь огню в нижнюю часть села, находящуюся за рекой Таркой, иначе размеры ущерба были бы еще больше. Значительная часть населения Павлова – около пяти тысяч человек – осталась без крова. «Я приехал в деревню и встречен был опустошением обширного промышленного села, имя Павлово, – сообщал 13 июня 1872 г. М.Н. Каткову писатель и публицист П.И. Мельников, проживавший в Нижнем Новгороде и приехавший в Павлово уже на следующий день после бедствия. – Из телеграмм Вы знаете главное. Прибавлю к этому ночь на нынешний день (холодную, ветреную), и до 5000, может быть, народа провела ее голодом под кровом неба. Сегодня сделано полицией распоряжение разместить погоревших по уцелевшим домам (остались лачужки, все лучшее сгорело). Много больных детей. А народ здесь живет от субботы до субботы, получая недельную заработную плату от скупщиков – скупщики же почти все погорели. Многие остались положительно в одних рубашках и без работы на долгое время – инструменты у всех сгорели. Ужасное положение» [13]. По свидетельству П.И. Мельникова, губернские земские власти, вместо того чтобы как можно более оперативно оказать помощь погорельцам, в первую очередь – купить имевшийся на местных пристанях лес и быстро построить бараки, чтобы обеспечить лишившихся крова людей хотя бы временным жильем, ограничилось лишь указанием выдать каждому пострадавшему домохозяину страховую премию в размере 150 рублей, но «вряд ли скоро выдадут – с горечью констатировал писатель, – формалистика свыше требуемой, а люди – болваны, а иные, пожалуй, и погорелому не прочь руку в карман запустить». П.И. Мельников, сам несколько лет прослуживший в Нижегородском губернском правлении и хорошо знакомый с нравами местного чиновничества, в письме к редактору влиятельной газеты подчеркивал глупость, нерасторопность и нерадивость служащих нижегородских канцелярий, занимавшихся ликвидацией последствий обрушившейся на жителей Павлова беды, и призывал его оказать содействие. «Проведите в передовой – об обязанностях земства в подобных случаях, – настойчиво писал П.И. Мельников М.Н. Каткову. – Напишите пожалуйста, научите дураков уму-разуму, да особенно дураков губернских. Они вас побаиваются и сделают все, чему Вы их научите» [Там же].

Спустя месяц в «Московских ведомостях» был опубликован цикл «Село Павлово», состоявший из пяти обширных очерков: первые два были напечатаны 17 и 18 июля 1872 г., третий и четвертый – спустя неделю, 25 и 26 июля, наконец, заключительный очерк появился 10 августа. С большой долей вероятности можно предположить, что автором этих очерков, подписанных лишь инициалами М.Е., являлся сам П.И. Мельников, который в приведенном выше письме М.Н. Каткову обещал «писать подробности» (правда, других его писем, адресованных редактору «Московских ведомостей», в которых бы упоминалось Павлово, не сохранилось). Для современников его авторство не подлежало сомнению. Так, В.Г. Короленко, рассказывая в своих «Павловских очерках» предысторию «павловского буханья», упоминал о «громовой статье» Мельникова в «Московских ве-

домостях» [3. № 10. С. 107–108], что, на наш взгляд, может служить вполне надежным свидетельством. В пользу авторства П.И. Мельникова говорит и тот факт, что писатель на протяжении многих лет был постоянным сотрудником изданий М.Н. Каткова. Во второй половине 1850-х гг. его повести и рассказы, опубликованные под псевдонимом «Андрей Печерский» в издаваемом М.Н. Катковым литературном и общественно-политическом журнале «Русский вестник»: «Поярков», «Дедушка Поликарп», «Старые годы», «Медвежий угол», «Непременный», «Именинный пирог» – сразу выдвинули Мельникова на одно из первых мест в литературе тех лет и прославили как одного из лучших «обличителей». «Я с Салтыковым по одной дорожке иду: что Щедрина, то и Печерскому», – с гордостью признавался в те годы П.И. Мельников [14. Т. 1. С. 188]. Его рассказы, в которых освещались негативные стороны в русской жизни, чаще всего – административно-чиновничий произвол, казнокрадство, взяточничество и т.п., а главными героями, как правило, были чиновники разных рангов, от мелких приказных, станowych и исправников до высшего губернского начальства, очень высоко оценивались критикой. «Современник» Н.А. Некрасова причислял П.И. Мельникова к тем немногим литераторам, в творчестве которых органично сочетаются «значительный литературный талант с таким знанием дела и с таким энергетическим направлением», а его рассказ «Поярков» был назван Н.Г. Чернышевским «по художественному достоинству... одним из лучших произведений нашей литературы за настоящий год» [15. Т. 4. С. 736].

В 1866 г. П.И. Мельников, отказавшись от службы в Министерстве внутренних дел под руководством П.А. Валуева, переехал из Петербурга в Москву и стал одним из постоянных авторов «Московских ведомостей» и заведующим отделом внутренних известий газеты, причем свою службу у М.Н. Каткова он приравнивал к делу «государственному»: «Работать с Вами считаю за великую честь и на работу под Вашим руководством смотрю как на службу государственную, на которой могу принести больше пользы отечеству, чем состоя при Валуеве» [16. С. 31–33]. К сожалению, долго заведовать внутренним отделом «Московских ведомостей» писатель не смог: сказались отсутствие привычки к каждодневному усидчивому труду, и ему вскоре пришлось отказаться от этой должности. Однако на протяжении многих лет он по-прежнему оставался одним из самых преданных и постоянных авторов «Русского вестника» и корреспондентом «Московских ведомостей». В частности, в «Русском вестнике» было опубликовано его самое известное произведение – диалогия «В лесах» и «На горах», которая благодаря широкому охвату действительности, глубокому осмыслению сущности важных общественных процессов и многостороннему их исследованию, значительному географическому и хронологическому диапазону действия, яркому, образному языку стала значительным явлением отечественного литературного процесса второй половины XIX в.

Напечатанные в «Московских ведомостях» очерки «Село Павлово» отличаются столь свойственное всем художественным текстам П.И. Мельни-

кова детальное, во всех подробностях, описание занятий, обычаев, быта и труда местных жителей, глубокое проникновение в их тревоги и заботы, художественность изображения в сочетании с обличительным пафосом по адресу торговцев-перекупщиков и бюрократов-чиновников. В основе очерков лежали не только личные наблюдения автора, но и собранные и обобщенные свидетельства очевидцев, многочисленные статистические данные и другие факты, почерпнутые из ряда авторитетных источников, что также было характерно для творческой манеры П.И. Мельникова. Так, при написании очерков был использован обстоятельный труд секретаря Нижегородского губернского статистического комитета А.П. Смирнова «Павлово и Ворсма, известные стальным-слесарным производством села Нижегородской губернии», изданный в 1864 г., книга профессора Санкт-Петербургского технологического института Н.Ф. Лабзина «Исследования промышленности: ножевой, замочной и металлических изделий в Горбатовском уезде Нижегородской губернии и в Муромском уезде Владимирской губернии», опубликованная в 1870 г., а также напечатанные в 1864 г. «Письма о путешествии цесаревича Николая Александровича по России» профессора Московского университета И.К. Бабста.

Аргументом в пользу авторства П.И. Мельникова может служить упоминание в очерках о том, что их автору «случилось быть в Павлове 13 июня, т.е. на другой день после пожара» [17], что совпадает со временем пребывания писателя в селе. Можно отметить также некоторые текстуральные совпадения между очерками и письмом П.И. Мельникова М.Н. Каткову. Так, процитированное выше описание в письме бедственного положения, в котором оказались большинство пострадавших от пожара павловских мастеров и их семьи, почти дословно повторяется в тексте очерков: «До сих пор только двадцатая доля погоревших кустарей обеспечена работой; у прочих же нет ни места, где работать, ни инструментов, чем работать, ни одежды, во что одеться в холодные ночи, ни хлеба – чем накормить своих жен и малолетних детей... Положение ужасное!» [Там же]. Еще одним примером может служить то, как в письме П.И. Мельникова и в очерках определяются причины постигшей Павлово трагедии. В постскрипуме письма М.Н. Каткову писатель очень коротко, с телеграфной лаконичностью указывает: «10 числа было заговенье, народ был пьян, загорелось на постоялом дворе, что на акцизном языке значит кабак. Здесь пожарная команда отличная, но не было воды, а народ был либо пьян, либо бросился спасать свое. Все сгорело в продолжение 6 часов» [13]. В четвертой части очерков рассказывается о постигшем павловцев бедствии, однако по существу это лишь более подробное описание того, о чем уже известно из письма: после народных гуляний на заговенье в селе оставалось много посторонних, огонь вспыхнул в час ночи на постоялом дворе и сразу же перекинулся на расположенные рядом дома, а затем и на соседние улицы. Анализируя случившееся, автор отдает должное организации пожарного дела в Павлове: «...павловцы действуют на пожаре прекрасно», все село разделено на 123 пожарных десятка, в нем имеется от-

личная пожарная команда, и потому «крупных пожаров здесь не было с 1816 года», а в ночь на 12 июня «7 пожарных труб явилось сразу, а всего участвовало 25 пожарных труб» [17]. Однако скученность построек и сильный ветер с Оки способствовали быстрому распространению огня, а пожарные не смогли предотвратить возгорание все новых и новых построек, так как в резервуарах и других емкостях, рассредоточенных по всему селу на случай возгорания, отсутствовала вода. Организовать подвоз воды с реки также не удалось, так как павловцы, почти поголовно занятые слесарным производством, не держали скота, а хозяева сотни имевшихся в селе лошадей, люди, как правило, весьма зажиточные, в первую очередь стали вывозить на них собственное имущество, и даже когда явилась подмога из соседних сел, «стали требовать вывозить свое добро». В качестве основных причин столь разрушительных последствий пожара автор очерков указывает, с одной стороны, овладевшую павловцами панику и несогласованность их действий, с другой – эгоистическое стремление состоятельных жителей села – торговцев-скупщиков – спасти свое собственное имущество. «Бедный класс потерял все: и дома, и инструменты, и одежду, а торговцы потеряли только дома, застрахованные по высокой цене. Капиталы и имущество их до последней мелочи спасены», – с негодованием резюмируется в очерке [Там же].

Все вышеперечисленное, как представляется, может служить убедительным доказательством того, что автором данной публикации в «Московских ведомостях» был именно П.И. Мельников. Благодаря его писательскому таланту, детальному знакомству с местным бытом и нравами, скрупулезному включению в текст многочисленных статистических данных очерки «Село Павлово» стали не только оперативным откликом на постигшую село трагедию, но явились едва ли не первым в качественной отечественной газетной периодике основательным исследованием состояния экономики и торговли села, сочетая при этом подробное описание каждодневных трудов его жителей, художественные детали, эмоционально-оценочные высказывания автора с весьма глубоким анализом социальной структуры Павлова, причин конфликтов между мелкими производителями и скупщиками-посредниками, рассмотрением мер, способных улучшить материальное положение павловских рабочих.

Рассмотрим подробнее содержание очерков. В первом из них изложена история возникновения стально-слесарного производства в Павлове, приведены подробные сведения о современном состоянии местной промышленности и торгового дела, о численности мастеров, занятых производством замков и других металлоизделий, о количестве продукции, приводятся скрупулезные расчеты себестоимости изготовления и т.п. Автор отмечает неоднородность хозяйственно-имущественного положения местных жителей, выделяя среди них состоятельных промышленников-фабрикантов, владельцев крупных сталеслесарных заведений – «заводов»: Ф.М. Варыпаева, А.И. Калякина, Ф.Ф. Воротилова и Банина, мелких производителей – хозяев небольших семейных мастерских, составлявших самую многочисленную группу населения Павлова, и торговцев-скупщиков,

которые занимались скупкой готовых изделий у мелких мастеров-производителей и поставкой им металлического сырья. При этом большая часть павловского производства – около девятнадцати двадцатых была сосредоточена в мелких мастерских и изготавливалось в домашних условиях: «Общая ценность выработки на фабриках не свыше 130–140 тысяч рублей, ценность слесарных изделий, изготовленных в Павлове и районе по домам, – 3 миллиона рублей. На долю Павлова приходится 1,5 миллиона рублей», – дотошно подсчитывается в очерках [12].

В отношении Мельникова к жителям села Павлова заметна существенная разница. С сочувствием он пишет о мелких промысловиках, рассказывает об их тяжелом труде (при этом, правда, не замечая, что и среди них, наряду с беднотой, которая жила «от скупки к скупке», от одной еженедельной выплаты до другой, встречались квалифицированные мастера, вполне материально обеспеченные и относительно независимые), отмечая, что изготовлением и обработкой изделий заняты не только мужчины, но также дети и женщины, которые «не умеют ни прясть, ни ткать, весь год за слесарной работой» [Там же]. Подчеркивается аскетичность быта павловцев, поголовно занятых изготовлением замков и ножей: в селе нет ни садов, ни огородов, жители не занимаются ни скотоводством, ни земледелием, почти все продовольственные товары приобретаются ими на рынке. Вот как, к примеру, описывается в очерках дом павловского мастера-кустаря: «Вы входите во двор – строение ветхое, почти все покривившееся набок. Дворик тесно застроен, на нем никакой живности, при доме ни дерева, ни кустика, при редком вы найдете две-три маленькие грядки со свеклой, морковью и луком. В доме на всем лежит отпечаток нищеты. Мужчины, женщины, дети с девятилетнего возраста – все за работой. Мастер стоит за верстаком без рубашки, женщины и дети в ситцевых рубашках наводят глянец на изделия. Работа в такой мастерской продолжается шесть дней в неделю от 16 до 18 часов в сутки. Больных всегда много, особенно лихорадкой. Разгоряченный за работой, вспотевший работник не всегда может удержаться, чтобы не освежить себя ковшом холодной воды – за это нередко и платит здоровьем» [Там же].

Публицист рисует перед читателем все подробности изготовления изделий, особое внимание уделяя самому тяжелому и наиболее вредному для здоровья работника процессу – личению, т.е. обтачиванию поверхности готовых изделий кожей на камнях. Для удаления выделяющейся в ходе личения каменной пыли камни необходимо постоянно смачивать водой, однако павловские мастера, как правило, этого не делают, потому что обтачивание на мокрых камнях идет медленнее, что сокращает и без того скудные доходы: за неделю тяжелого труда павловский мастер вместе с семейством может выработать изделий на сумму не более 2 рублей 50 копеек. «Работа на сухих камнях убийственная вследствие отделяющейся от них пыли, – подводятся в очерке неутешительные итоги. – Ее вдыхают рабочие, и от того чахотка сделалась господствующей болезнью в Павлове и во всем павловском районе. В этом селе редкие мастера доживают до

45 лет. Старики бывают только в богатых семействах, лично не работающих, но таких семейств очень немногo» [12]. Яркие картины «с натуры» подтверждались и дополнялись статистическими данными: о численности павловских кустарей, количестве и стоимости вырабатываемых ими изделий, преимущественно замков, ножей и т.п., что делало рассказ о тяготах и нуждах павловских рабочих еще более убедительным в глазах читателей: «Главный промысел на Павлове замки. Один мастер в неделю наготовляет в черне до 150 штук замков, другую неделю он отделявает их. <...> для отделки 150 замков нужно железа и меди на 1 рубль 45 копеек, угля на 50 копеек, за шлифовку замков на стороне мастер должен заплатить 90 копеек, всего 2 рубля 85 копеек. Полтора за замков он продаст за 5 рублей, остается заработку только 2 рубля 15 копеек. Столько же сработает его семейство» [Там же].

Не ограниваясь описанием тяжелого труда павловских рабочих, Мельников пытается разобраться в причинах их нищенского положения, главной из которых считает их абсолютную зависимость от местных посредников-скупщиков. Эта весьма немногочисленная категория павловцев (по данным автора, их всего лишь 17 человек на все село) представлена в очерках как люди без чести и совести, притесняющие своих же односельчан, наживающиеся на их тяжелом труде и пользующиеся любой возможностью и любыми средствами, лишь бы увеличить свои доходы. Публицист кропотливо исследует механизм обогащения скупщиков, ни у одного из которых «нет ни фабрик, ни других промышленных заведений», но которые получают значительные доходы, скупая на местном рынке изделия по крайне низким оптовым ценам, а затем реализуя этот же товар на крупных ярмарках по значительно более высоким розничным. «В понедельник мастер выходит на базар, туда же являются и торговцы-скупщики (всего их 17 человек). Случись болезнь, случись мастеру не продать на базаре изделий – положение его делается ужасным, – пишет Мельников. – Если скупщики почему-то не взяли у мастера изделий, он может получить деньги у закладчика, но не более как в половину базарной цены, и притом на 2,5 или 3 процента в неделю, что составляет около 150 процентов годовых. Таким образом, мастера находятся в совершенной зависимости от скупщиков, которые держат в своих руках всю торговлю павловскими изделиями, скупая их на месте и распродавая по ярмаркам» [Там же]. В очерках приводятся примеры, когда некоторые павловские замки, по своему качеству не уступающие английским, зачастую продавались под видом «заграничной работы» за очень большие деньги, но при этом вся прибыль уходила в карманы скупщиков, а изготовители продолжали прозябать в нищете. «Уверяют, что было время, когда такие операции давали торговцам от 400 до 500 процентов выгоды», – резюмирует публицист [Там же].

Очеркист наглядно демонстрировал, что прибыль скупщиков складывается не только за счет весьма значительной разницы между оптовыми и розничными ценами на товар, но и благодаря использованию разного рода ухищрений и уловок, в результате которых всегда в убытке оказывались

производители изделий, тогда как сами скупщики получали дополнительные доходы. Он рассказывает об одном из самых распространенных приемов – когда скупщик большую часть расчетов с мастерами производит не наличными деньгами, а товарами из принадлежащих ему лавок и металлическим сырьем для работы на следующую неделю. В очерке даже приводилась сравнительная таблица цен на самые ходовые товары на базаре и в лавках скупщиков, и даже при беглом взгляде на представленные в ней цифры читателю становилось понятно, насколько выгоден подобный способ оплаты скупщикам и убыточен для мастеров, тем более что сырье сбывалось рабочим не только по завышенной цене, но часто и бракованное. «Он (скупщик. – *Е.П.*) продаст по вольной продаже за наличные деньги железо по 2 р. 20 к. и притом покупщик сам выбирает кусок, а покупая у мастера его изделия, ставит на счет ему в 2 р. 80 к. или 3 р., причем дает ему кусок без выбора. Таким образом сбывают весь брак. Сколько же они получают барыша при такой торговле?» – с негодованием писалось в очерке [12]. Отмечалось, что цены на продовольственные товары в лавках скупщиков не только значительно выше рыночных, но и сами товары, как правило, недоброкачественные: «Рабочий на базаре купил бы хорошей муки за 60 копеек, но он должен за 1 рубль или 1 рубль 10 копеек взять прогорклой, комьями слежавшейся муки, которую для печения хлеба толкут в ступах, – возмущенно писал автор. – У иных скупщиков годами бывала и такая превосходная мука, что выпеченный из нее хлеб не ели даже свиньи, а мастера должны были его брать». В качестве наглядного примера, характеризующего нравы местных скупщиков, Мельников приводит трагикомический эпизод: «У одного из них (скупщиков. – *Е.П.*) был великолепный сибирский кот, любимец всей семьи и утеха владыки. Раз увидел этот домовладыка, что жена его кормит кота тухлой говядиной. “Что ты, дура, делаешь? – какой гадостью Ваську кормишь. Околеть может”. “Да уж больно испортилась свежина-то, не бросать же ее”, – возразила жена. “Не пропадет, в понедельник сбудем, дай Васютке хорошенькой”, – ответил домовладыка» [Там же].

Властелинами судеб с иронией именуются в очерках торговцы-скупщики, от воли и настроения которых в буквальном смысле зависят здоровье и даже жизни тысяч жителей как самого Павлова, так и шестидесяти окрестных деревень и сел. Особо автор выделил фигуру Н.П. Сорокина – представителя торговой элиты Павлова, одного из лидеров «торговой партии» села. Крестьянин, разбогатевший в результате ряда удачных торговых операций, Н.П. Сорокин многие годы служил в мирском управлении села, а после реформы 1861 г. избирался уездным и губернским земским гласным, работал земским страховым агентом. Любопытно, что в характеристике, данной Сорокину Мельниковым, указания на его прирожденную ловкость, предприимчивость и коммерческую хитрость сочетались с намеками на политическую неблагонадежность и даже связь с революционными кругами: «Живо помним в Петербурге ловкого пролазу и большого говоруна, отмеченного природой (по 6 пальцев на руках), шмыгавшего по

департаментам. В одном кармане у него всегда уверенность от некоторых крестьян сыскать с Шереметева по небывалым правам значительные суммы, в другом – листок “Колокола” и литографированный Бюхнер в русском переводе... Мы же люди развитые, образованные, даром что из крепостных» [18]. Безусловно, подобного рода характеристика могла быть продиктована исключительно стремлением публициста дискредитировать как самого Сорокина, так и торговые круги Павлова в целом.

Справедливости ради следует отметить, что Мельников был далек от огульного обвинения всех местных торговцев: он отмечал, что двое скупщиков из семнадцати – З.Н. Шмаков и И.Н. Емельянов – отличались честностью в расчетах с мастерами, в том числе всегда расплачивались за готовые изделия деньгами, а не натуральными продуктами, а после пожара пожертвовали значительные суммы в помощь пострадавшим и устроили в своих домах приюты для обездоленных. Однако это исключение лишь подчеркивало, по мнению публициста, хищническую сущность большей части павловских скупщиков, все действия которых направлены на достижение собственной выгоды. Заключительным «штрихом» к их характеристике стал следующий приведенный в очерках факт: уже 13 июня – на следующий день после постигшего Павлово страшного бедствия, когда большая часть погорельцев еще ютилась под открытым небом, на базарной площади села торговцы отстроили балаганы, так как 15–16 июня в селе должна была проходить большая ярмарка и они не хотели упустить доходы, которые им могла принести ярмарочная торговля. После ярмарки, 17 июня, эти же торговцы-скупщики попытались на волостном сходе учредить комиссию, чтобы обеспечить себе контроль за поступающими в пользу погорельцев пожертвованиями, пособиями и ссудами.

Если большинство павловских торговцев-скупщиков были представлены в очерках как бессовестные и бессердечные эксплуататоры, стремящиеся любыми способами нажиться на чужой беде, то владельцы фабрик, напротив, рисовались как весьма уважаемые люди, меценаты и благотворители. Так, лидер «промышленной партии» фабрикант Ф.М. Варыпаев характеризуется как человек, пользующийся значительной поддержкой среди простых мастеровых и «первый Павловский старшина, не принадлежащий к корпорации Павловской плутократии» [Там же]. Публицист «Московских ведомостей» не обнаружил серьезных социальных противоречий между мелкими промысловиками и владельцами крупного фабричного производства, полагая, что их объединенные усилия могут противостоять натиску торгового капитала, и потому возлагал большие надежды на состоятельных фабрикантов, которые, будучи независимы от посредничества павловских торговцев, способны возглавить борьбу со скупщиками. Он справедливо отметил, что на рынке изделия крупных предприятий и мелких производителей занимают разные ниши: дешевая, заурядная продукция, производимая в домашних мастерских, не могла составлять конкуренцию дорогому высококачественному фабричному производству: «Обычного соперничества между фабрикантами и кустарями в Павлово

нет ни малейшего, напротив, те и другие находятся в самых лучших взаимных отношениях. Это весьма редкое в промышленном мире явление. Это объясняется тем, что они не мешают друг другу, фабриканты делают товар изящный, кустари – для простонародья» [19]. Отсутствует конкуренция – следовательно, отсутствуют и враждебные настроения в среде мелких производителей по отношению к фабрикантам, а потому, как отмечалось в очерке, после пожара «ни один из нагих, голодных и лишившихся всего, кроме рук (которые, однако, без инструментов и без материалов ничего не значат), кустарей не помыслит зла ни на Варыпаева, ни на Калякина, ни на Воротилова, ни на Банина» [Там же]. Напротив, в очерках подчеркивается рост авторитета Ф.М. Варыпаева и его деятельное участие в восстановлении села и оказании быстрой помощи пострадавшим. Так, именно он взаимодействовал с Министерством финансов по оказанию помощи Павлову, благодаря его энергичным усилиям и по его инициативе было организовано снабжение погорельцев лесом, начат сбор денежных средств, организованы общественные мастерские, чтобы обеспечить заработком хотя бы часть погоревших мастеров, создан склад павловских изделий в Москве. «Желательно бы было, чтобы совместная работа в одном помещении довела павловских рабочих до артельной деятельности, – отмечает автор «Московских ведомостей». – Устройство общественных мастерских столь же необходимо в настоящее время, как и снабжение погорельцев хлебом» [17].

Очевидно, что в пробуждении общественной инициативы и в организации общественных мастерских Мельников видел одно из средств избавления мелких производителей Павлова от произвола скупщиков. Еще одним действенным средством он считал покупку и установку артельных паровых машин – для замены тяжелого ручного труда на механизированный, что не только изрядно ускорило бы процесс изготовления изделий, но и способствовало бы значительному снижению заболеваемости среди работников, а также избавило бы детей от изнурительного и непосильного труда. В очерках убедительно доказывалось, что с целью пресечения хищнического произвола торговцев-посредников в селе следует в первую очередь организовать ссудное и комиссионерское товарищества: благодаря первому мастера могли бы занимать деньги под небольшие проценты и под залог изготовленных изделий, что поставило бы их в меньшую зависимость от посредников и помогало бы пережить рыночные колебания цен на их продукцию, благодаря второму кустари получили бы возможность сбывать изготовленные ими замки и другие изделия на ярмарках, минуя скупщиков, что увеличило бы их заработки вдвое. По мнению автора, подобные учреждения должны возникать «по собственной инициативе народа и при собственных его средствах», однако после пожара подобное развитие событий в Павлове сделалось невозможным, а потому основным источником средств, необходимых для организации ссудного и комиссионерского товариществ, покупки паровых машин, а также для окончательных расчетов павловских крестьян с бывшими владельцами села по выкупным платежам

(к 1872 г. соглашение по выкупу еще не было заключено, а после пожара и вовсе могло быть отложено на неопределенный срок, кроме того, у жителей села накопилась значительная недоимка по оброку) должна была стать незамедлительная, «деятельная помощь со стороны правительства». «Необходимо, сколь возможно, скорейшее вспоможение павловцам... Помощь для поднятия кустарной промышленности нужна сейчас же... Каждый день отлагательств может принести вред», – решительно и энергично призывал Мельников. [19]. Можно предположить, что именно эту цель – подтолкнуть правительство к оказанию поддержки павловскому кустарному производству – и преследовал автор, описывая столь подробно и красочно бедственное положение жителей этого большого села в авторитетной газете, к мнению которой прислушивались многие влиятельные лица в правительстве. Как бы то ни было, эти надежды оправдались – в пятом очерке цикла, опубликованном спустя два месяца после пожара, с удовлетворением отмечалось, что «для Павлова сделано со стороны правительства все нужное для его восстановления после опустошения пожаром и для избавления бедных кустарей из-под тягостного гнета местных скупщиков» [20]. Уже к августу 1872 г. павловские погорельцы «получили 3000 рублей от императора, им отпущен лес по дешевой цене и с рассрочкой, выданы ссуды по 300 рублей на дом (в дополнение к страховой выдаче), казна дает 30 000 рублей на учреждение ссудного товарищества и 25 000 на учреждение товарищества комиссионерского» [21]. К сожалению, несмотря на принятые меры, предположению Мельникова, что «со временем <...> Павлово сделается одним из лучших городов» [17], не суждено было сбыться. Несмотря на то, что противостояние жителей села за свои права с представителями разных уровней власти, а затем – противостояние между промысловой и торговой элитой оказало весьма значительное влияние на общественную жизнь Павлова и гражданское сознание его населения, с течением времени интересы разных социальных групп павловцев все более расходились, и создать на базе павловского кустарного производства процветающий «русский Шеффилд» так и не удалось.

Публикация цикла очерков «Село Павлово» стала одной из самых наглядных иллюстраций к передовым статьям М.Н. Каткова по «рабочему вопросу» в 1870-е гг., в которых красной нитью проводилась мысль о необходимости введения строгого правового урегулирования в экономической сфере и установления «юридической равноправности рабочих перед хозяевами и строгой ответственности обеих сторон по заключенным между ними условиям» [22]. Катков отказывался признавать наличие в России «рабочего вопроса» в тех формах и проявлениях, в каких он существует в странах Западной Европы, с присущей им высокой конкуренцией на рынке вольнонаемного труда и весьма глубокими противоречиями между социальными слоями. По его мнению, в России отсутствовали предпосылки и почва для каких-либо осознанных революционных выступлений рабочих сословий: стачек, забастовок, демонстраций и т.п., но вместе с тем между хозяевами и работниками процветает «полное пренебрежение к взаимным

гражданским правам и обязанностям», результатом которого становятся «беззаконная кабала» и «полный произвол в отношениях к рабочим» [23]. Для улучшения положения рабочих сословий, полагал Катков, следует не «раздвигать» «рабочий вопрос» в печати, а планомерно и систематически, в законодательном порядке решать указанные проблемы, и прежде всего – принимать законы, регулирующие отношения между рабочими и их работодателями и устанавливающие между ними «определенные договорные начала».

Развитие промыслов, подобных тем, о которых писалось в очерках «Село Павлово», редактор «Московских ведомостей» считал одной из эффективных мер для улучшения материального благосостояния рабочих сословий, особенно в тех местностях, где обработка земли не могла обеспечить достаточный уровень доходов населения. Он рассматривал рабочие артели как вполне естественную для России форму организации труда, «с которой повсеместно сжился наш народ <...> с которой издавна свыклись все классы общества» и которая представляла в его глазах «одно из могущественнейших средств к мирному разрешению рабочего вопроса» [23]. Вместе с тем Катков отнюдь не идеализировал подобные формы организации производства и весьма трезво оценивал характер взаимоотношений между членами рабочих артелей, полагая, что и они нуждаются в правовых механизмах регулирования. Эти положения нашли отражение в двух передовых статьях М.Н. Каткова в «Московских ведомостях» от 25 июля и 10 августа 1872 г., посвященных положению павловских рабочих после постигшего село несчастья. Редактор газеты в основном поддержал предложения П.И. Мельникова, за исключением обращенного к бывшим владельцам села призыва оказать «уступки для павловцев» при окончательных расчетах по выкупным платежам: Катков, который все прогрессивные преобразования на селе связывал в первую очередь с дворянским сословием, считал подобные уступки недопустимыми и настаивал на соблюдении интересов дворян-помещиков как на необходимом условии всех изменений в аграрной сфере. Он настоятельно советовал павловцам не рассчитывать на «снисходительность» бывших владельцев, «которые легко могут найти, что они уже достаточно сделали для своих крестьян», и рекомендовал вместо этого заручиться поддержкой со стороны Главного выкупного учреждения, чтобы обеспечить выкупную рассрочку и добиться выдачи добавочной ссуды для уплаты недоимок [24].

Подводя итоги, можно сделать вывод, что анализ очерков «Село Павлово» позволяет конкретизировать программные заявления «Московских ведомостей» по «рабочему вопросу», а их содержание служит иллюстрацией к пропагандируемой в газете мысли о необходимости установления взаимовыгодных договорно-правовых начал в отношениях между работодателями и наемными работниками. В отличие от представителей нарождающейся народнической идеологии, которые видели в кустарных артелях своего рода «зародыш социалистических отношений», не имеющий ничего общего с капиталистическим хищничеством, «Московские ведомости» де-

монстрировали, что социальное неравенство глубоко проникло в среду кустарей и в ней процветает жесточайшая эксплуатация: скупщики-посредники обогащаются и наживаются, бессовестным образом обманывая мелких кустарей-производителей, которые живут в беспросветной нужде и нищете. Справедливо указывая на необходимость улучшения условий труда рабочих и введения правовых норм, регламентирующих отношения в сфере труда и капитала, газета также предлагала организацию общественных мастерских, создание ссудных и комиссионерских товариществ, подчеркивая, что подобные меры не только увеличили бы доходы рабочих и избавили их от произвола торговых посредников, но и способствовали бы пробуждению в рабочей среде инициативности и предприимчивости. Данные требования логично укладывались в рамки курса на «разумный консерватизм», провозглашенный издателем «Московских ведомостей» в качестве фундамента прогрессивного развития страны и понимавшийся им как «улучшение существующего», т.е. устранение недостатков существующего порядка вещей при сохранении всего позитивного, жизнеспособного, «всего того, что удовлетворительно» и что является «естественным развитием существующего» [25].

Литература

1. Верняев И.И. Реформа 1861 г. в торгово-промысловом селе: село Павлово Нижегородской губернии. Ч. 1 // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2012. Вып. 3. С. 16–41.
2. Верняев И.И. Реформа 1861 г. в торгово-промысловом селе: село Павлово Нижегородской губернии. Ч. 2 // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2012. Вып. 4. С. 3–31.
3. Короленко В.Г. Павловские очерки // Русская мысль. 1890. № 9. С. 14–49; № 10. С. 90–116; № 11. С. 105–193.
4. Боборыкин П.Д. Русский Шеффилд: (Очерки села Павлова) // Отечественные записки. 1877. № 1. С. 77–104; № 4. С. 345–394.
5. Анненский Н.Ф. Доклад по вопросу о положении кустарей Павловского района // Журналы XXVI очередного Нижегородского губернского собрания. 1890.
6. Штанге А. Как помочь кустарям замочникам Павловского района // Экономический журнал. 1889. № 7–8.
7. Савельев А. Павловские кустари // Волжский вестник. 1889. № 255–257.
8. А.С. О Павловском районе // Экономический журнал. 1893. № 4.
9. О павловских кустарях // Экономический журнал. 1881. № 3, 4.
10. Нужды кустарей Павловского района // Северный вестник. 1891. № 11.
11. Сорокин Н.П. Автобиография крестьянина села Павлова Нижегородской губернии Николая Петровича Сорокина (начало) // Северный вестник. Журнал литературно-научный и политический. 1885. № 1. С. 82–104; № 2. С. 51–76.
12. М.Е. Село Павлово // Московские ведомости. 1872. 17 июля. № 180.
13. Мельников П.И. Письмо М.Н. Каткову. Село Павлово. 13 июня 1872 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 6. Ед. хр. 50.
14. Усов П. П.И. Мельников, его жизнь и литературная деятельность // Мельников П.И. (Андрей Печерский). Полн. собр. соч. СПб., 1897.
15. Чернышевский Н.Г. «Поярков» г. А. Печерского // Полное собрание сочинений : в 15 т. М., 1939–1953.
16. Мельников П.И. Письма М.Н. Каткову. Санкт-Петербург. 25 июня 1866 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 41. Ед. хр. 2.

17. М.Е. Село Павлово // Московские ведомости. 1872. 26 июля. № 187.
18. М.Е. Село Павлово // Московские ведомости. 1872. 25 июля. № 186.
19. М.Е. Село Павлово // Московские ведомости. 1872. 18 июля. № 181.
20. М.Е. Село Павлово // Московские ведомости. 1872. 10 авг. № 201.
21. Передовая статья // Московские ведомости. 1872. 10 авг. № 201.
22. Передовая статья // Московские ведомости. 1871. 11 марта. № 53.
23. Передовая статья // Московские ведомости. 1870. 8 июля. № 146.
24. Передовая статья // Московские ведомости. 1872. 25 июля. № 186.
25. Передовая статья // Московские ведомости. 1863. 24 июня. № 137.

GLOSS AND POVERTY OF THE “RUSSIAN SHEFFIELD”: THE “WORKER QUESTION” IN THE CYCLE OF ESSAYS “PAVLOVO VILLAGE” (*moskovskie vedomosti*, 1872)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 54. 222–237. DOI: 10.17223/19986645/54/14

Elena V. Perevalova, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation).
E-mail: helenpv@yandex.ru

Keywords: Pavlovo village, handicraft work, loan and broker associations, Pavel Melnikov, *Moskovskie Vedomosti*, Mikhail Katkov, “the worker question”.

The article investigates the cycle of essays “Pavlovo Village”, published in 1872 in *Moskovskie Vedomosti*, the most influential conservative newspaper of the 1860s–1880s, published by the authoritative publicist Mikhail Katkov.

The aim of the article is to analyze the essays, to determine the name of their author, to identify how the main ideas of the essays correlated with the proposed measures to improve the economic situation and working conditions of Pavlovsk artisan workers, with the program statements of *Moskovskie Vedomosti* on the “worker question”. The urgency of the stated problem is due to the growing interest in modern science in the study of the conservative press of the 19th century, as well as to the need to attribute the journalistic speeches of *Moskovskie Vedomosti*, a significant part of which was published anonymously. The scientific novelty of the research consists in the introduction into the scientific use of new, previously unexplored material, in particular, a previously unpublished letter by Pavel Melnikov, stored in the Archive of the Research Department of Manuscripts of the Russian State Library, and the justification of the writer’s authorship in *Moskovskie Vedomosti*.

An assumption that the author of this publication was the writer and publicist Melnikov was made and substantiated. The long-term cooperation of Melnikov with Katkov, textual similarities between the essays and the writer’s letter to the editor of *Moskovskie Vedomosti* and a number of other facts given in the article support this assumption.

The essays published in *Moskovskie Vedomosti* contained a detailed description of the way of life and working conditions of Pavlovo artisans – residents of a large commercial village Pavlovo of Nizhny Novgorod Province, which was long engaged in artisan crafts manufacture of metal products. It is revealed that the essays, which became one of the first performances of the newspaper on the “worker question”, proposed a new form of workers’ associations for joint production in the conditions of the emerging capitalist relations in Russia, namely, organization of public workshops, creation of loan and broker partnerships, which, in the author’s opinion, could not only improve the working conditions and increase the incomes of the workers-craftsmen, but also contribute to better initiative and entrepreneurial skills among them.

It is concluded that the main provisions of the essays coincided with the policy statements of *Moskovskie Vedomosti* and reflected the position of the newspaper and its publisher on the “worker question”, the essence of which was in the requirement to systematically and legally establish “contractual principles” in the relations between employers and workers.

References

1. Vernyaev, I.I. (2012) The reform of 1861 in the trade and handicraft village: Pavlovo of Nizhny Novgorod province (Part I). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. Istoriya – Vestnik St. Petersburg University. Ser. 2. 3.* pp. 16–41. (In Russian).
2. Vernyaev, I.I. (2012) The reform of 1861 in the trade and handicraft village: Pavlovo of Nizhny Novgorod province (Part II). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. Istoriya – Vestnik St. Petersburg University. Ser. 2. 4.* pp. 3–31.
3. Korolenko, V.G. (1890) Pavlovskie ocherki [Pavlovo essays]. *Russkaya mysl'*. 9. pp. 14–49; 10. pp. 90–116; 11. pp. 105–193.
4. Boborykin, P.D. (1877) Russkiy Sheffild: (Ocherki sela Pavlova) [The Russian Sheffield: (Essays on the village Pavlovo)]. *Otechestvennye zapiski*. 1. pp. 77–104; 4. pp. 345–394.
5. Annenskiy, N.F. (1890) Doklad po voprosu o polozhenii kustarey Pavlovskogo rayona [Report on the situation of artisans of Pavlovo area]. *Zhurnaly XXVI ocherednogo Nizhegorodskogo gubernskogo sobraniya*.
6. Shtange, A. (1889) Kak pomoch' kustaryam zamochnikam Pavlovskogo rayona [How to help artisans producing locks in Pavlovo area]. *Ekonomicheskii zhurnal*. 7–8.
7. Savel'ev, A. (1889) Pavlovskie kustari [Pavlovo artisans]. *Volzhskiy vestnik*. 255–257.
8. A.S. (1893) O Pavlovskom rayone [On Pavlovo area]. *Ekonomicheskii zhurnal*. 4.
9. *Ekonomicheskii zhurnal*. (1881) O pavlovskikh kustaryakh [On Pavlovo artisans]. *Ekonomicheskii zhurnal*. 13, 4.
10. *Severnyy vestnik*. (1891) Nuzhdy kustarey Pavlovskogo rayona [The needs of the artisans of Pavlovo area]. *Severnyy vestnik*. 11.
11. Sorokin, N.P. (1885) Avtobiografiya krest'yanina sela Pavlova Nizhegorodskoy gubernii Nikolaya Petrovicha Sorokina (nachalo) [The autobiography of Nikolai Petrovich Sorokin, a peasant from the village Pavlovo of Nizhny Novgorod Province (beginning)]. *Severnyy vestnik. Zhurnal literaturno-nauchnyy i politicheskii*. 1. pp. 82–104; 2. pp. 51–76.
12. M.E. (1872) Selo Pavlovo [The village Pavlovo]. *Moskovskie vedomosti*. 17 July. 180.
13. Archive of the Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fund 120. Box 6. Item 50. Mel'nikov, P.I. (1872) *Pis'mo M.N. Katkovu. Selo Pavlovo. 13 iyunya 1872 g.* [Letter to M.N. Katkov. The village Pavlovo. June 13, 1872].
14. Usov, P. (1897) P.I. Mel'nikov, ego zhizn' i literaturnaya deyatelnost' [P.I. Melnikov, his life and literary activity]. In: Mel'nikov, P.I. (Andrey Pecherskiy). *Poln. sobr. soch.* [Complete works]. St. Petersburg: Izd. M.O. Vol'fa.
15. Chernyshevskiy, N.G. (1939–1953) “Poyarkov” g. A. Pecherskogo [“Poyarkov” by A. Pecherskiy]. In: *Polnoe sobranie sochineniy: v 15 t.* [Complete works: in 15 vols]. Moscow: Goslitizdat.
16. Archive of the Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fund 120. Box 41. Item 2. Mel'nikov, P.I. (1866) *Pis'ma M.N. Katkovu. Sankt-Peterburg. 25 iyunya 1866 g.* [Letters to M.N. Katkov. St. Petersburg. June 25, 1866].
17. M.E. (1872) Selo Pavlovo [The village Pavlovo]. *Moskovskie vedomosti*. 26 July. 187.
18. M.E. (1872) Selo Pavlovo [The village Pavlovo]. *Moskovskie vedomosti*. 25 July. 186.
19. M.E. (1872) Selo Pavlovo [The village Pavlovo]. *Moskovskie vedomosti*. 18 July. 181.
20. M.E. (1872) Selo Pavlovo [The village Pavlovo]. *Moskovskie vedomosti*. 10 August. 201.
21. *Moskovskie vedomosti*. (1872) Peredovaya stat'ya [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 10 August. 201.
22. *Moskovskie vedomosti*. (1871) Peredovaya stat'ya [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 11 March. 53.
23. *Moskovskie vedomosti*. (1870) Peredovaya stat'ya [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 8 July. 146.
24. *Moskovskie vedomosti*. (1872) Peredovaya stat'ya [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 25 July. 186.
25. *Moskovskie vedomosti*. (1863) Peredovaya stat'ya [Editorial]. *Moskovskie vedomosti*. 24 June. 137.